

Тот осенний вечер ничего чрезвычайного и необыкновенного не предвещал... Тёплый, с летящими паутинками, сентябрьский день заканчивался. Наступали сумерки, и мы, отрыбачив успешно весь день в урмане на таёжном глухом озере, мирно разместившись возле обустроенного костра на возвышенности у края соснового бора, обсуждая события текущего дня, вспоминали и давно минувшие истории, а их было немало... Осенний ветерок, словно вдогонку заходящему солнцу, озорничая, гонял по темнеющей водной глади засыпающего озера опавшие разноцветные листья-кораблики.

Сумерки, стущаясь и заполняя опушку ближайшего соснового бора, поглощали всё более отсвет уходящего дня. Вскоре темнота разом поглотила всё в округе, только яркие всполохи разгоревшегося костра освещали причудливо подступившие кроны деревьев, окружающие нас, трёх рыбаков, озабоченных приготовлением ужина у поставленной заранее на поляне палатки.

Попивая, прислонившись к столетней валежине и устроившись на пихтовых лапах, из кружек душистый чай из настоя листьев брусники и плодов шиповника, которого было изрядно кругом, дожидаясь, когда сварится запашистая уха из наловленных тёмного окраса красавцев-окуней и довольно приличной щуки, вспоминали случаи своих

давно минувших рыбацких историй... Разговор то затихал, то вспыхивал с новой силой... Вот и на этот раз один из нас, Кузьмич, как-то резко повернулся к нам и, поставив кружку с чаем на сосновую чурку, воскликнул:

— Во! Вспомнил!

Мы заинтересованно взглянули на него и застыли в предвкушении его рассказа, зная то, что он великолепный рассказчик, а ещё больше — выдумщик, каких ещё поискать надо... Да и что делать?.. Вечер... костёр... душевный покой, а уха-щербя ещё не готова... Слушай да привечай...

— Дело было так, — повёл свой рассказ Кузьмич, а сам хитро посмотрел на нас. — Нынешней весной... — и он загадочно ухмыльнулся и, прищурившись на нас, потянулся к кружке с остывающим чаем.

Мы молча смотрим на него, ждём. Тишина кругом; показалось, что даже ветерок, увлечшись его рассказом, притих, словно прислушиваясь к его словам.

— Поставил я ноне, ещё по весеннему льду, на небольшой речке у своей заимки крючья на налимов. Лёд-то ещё был проходной, довольно крепкий, рыбачить можно было. Загодя побывав там и насверлив отверстий во льду, принёс с собою живцов — ершей — и поставил крючья, — он кашлянул и добавил: — немного, с десятков, глубина небольшая, метр с небольшим, — и потемну неспешно ушёл в избушку, там было недалеко... Наутро, по небольшому морозцу, сбегал и проверил снасти. Поймал несколько довольно неплохих налимов и, воодушевившись, уложив их в рюкзак, решил на день оставить крючья, а вечером проверить. Место малопроездное, спокойное, лишний народ здесь не шарился, и я вновь настроил крючья... День задался хлопотный: торил новую тропу, делал затеси, — и только поздно вечером удалось сходить и проверить крючья. Но, придя на место, был крайне озадачен... Часть снастей была проверена, вытащена из лунок и брошена в беспорядке на лёд, но ни живцов, ни рыбы не было. Лёд был довольно чистый. Следов никаких. Как это могло произойти, и кто это мог сделать? Куница? Огляделся — никого в округе не видно,

да и стемнело. По-быстрому проверил оставшиеся крючья и, сняв с них налимов, вновь снарядил крючья, поставил и закрепил их в лунках. Успокоенный, ушёл в избушку. Наутро в бодром настроении спозаранку пришёл на место и вновь увидел, что часть снастей вытащена из воды, но на льду лежали остатки от недавнего пиршества... расклёванные налимы... Явно было заметно, что это произошло вот-вот, совсем недавно, их даже не прихватило небольшим морозцем. Оглянувшись, вдали заметил сидевшую чёрную ворону на вершине ёлки. Больше никого в округе живого не было. Невероятно, но, заподозрив её в воровстве — я как-то раньше слышал, что они на такое способны, — решил проверить свою догадку: так ли это на самом деле? Вновь поставил крючья, а утром взял с собою бинокль и, подойдя осторожно к зигзагу речки, откуда уже было недалеко до крючьев, но из-за кустов меня не видно, увидал то, чего не ожидал, но предвидел. Две довольно крупные вороны прыгают оживлённо возле лунок, а одна настороже сидит на вершине дерева на берегу и смотрит, крутит головою в разные стороны... явно сторожит. Те же две нахапки на льду деловито и как-то споро, сноровисто проверяли мои снасти... Более крупная, подскочив к палке, к которой привязан шнур с крючком и которая перекрывает лунку, мощным клювом подтолкнув палку к краю лунки, хватала шнур и, упираясь лапами и когтями в лёд, тянула его на себя, помогая себе взмахами крыльев, отступая по льду. Если шнур из воды тянулся свободно, она его возмущённо бросала и перелетала к следующей лунке, а за ней следом вторая... которая до этого ходила по льду и заглядывала в лунки, и вновь всё повторялось, до той поры, пока ворона не ощущала на шнуре тяжесть и сопротивление рыбы; здесь к ней азартно, подскочив, подключалась вторая ворона, и они вдвоём, держа в клювах шнур, слаженно упираясь и размахивая крыльями, отступали по льду и тянули с пойманным налимом шнур, пока рыба не оказывалась на льду. Оттащив свою добычу подальше от лунки, они начинали свою трапезу, затем бросали её или улетали с нею в сосновый бор —

видимо, это была семья, — где уже втроём расправлялись с ней и после этого вновь возвращались на реку, к лункам... И вновь их наглый, среди белого дня, разбой продолжался. Такой бесцеремонности, — Кузьмич даже поперхнулся, — я не ожидал. Не выдержав такого беспредела, закричал и бросился к лункам. Ворона в этот момент невозмутимо, но споро схватывает свою добычу, взлетает, за ней тащатся шнур, палка по льду, и шустро по руслу реки улетает. Пока я добежал до лунок, её и след простыл. Улетели, возмущённо каркая, вслед за ней и остальные вороны. Остановившись, стою на льду среди птичьего разбоя. Слов нет, хоть смейся, хоть плачь. Проверив неснятые дальние снасти, которые не успели проверить вороны, и сняв с них одного оставшегося налима, вернулся, озадаченный, в избушку. После того запоминающегося дня не пришлось мне больше весной там побывать и вновь порыбачить. Весна взяла своё, лёд вскрылся, и рыбалка на этом закончилась. А вороны? Они остались. Видимо, вскоре нам, — Кузьмич усмехнулся вновь, — с ними придётся встретиться. Но их номер на этот раз не пройдёт, я кое-что придумал.

Кузьмич хитро посмотрел на нас. Костёр догорал, и угли покрылись седоватым пеплом.

— Повысил за лето свою квалификацию, — продолжил он. — Вороны, думаю, меня на этот раз не обхитрят и не оставят без рыбы.

И он громко, от души рассмеялся. Ветерок, словно очнувшись, заслушавшись рассказом, всколыхнул тёмные хвойные лапы ближайших вековых сосен, которые закачали своими вершинами, словно соглашаясь с ним. Уха, напарившись, подоспела, а луна, нависнув над вершиной уже дремлющей горы, серебристой дорожкой убегала вдаль по глади озера к чернеющему на том берегу сосновому бору.

Подкралась ночь, и нужно было отдыхать. Наутро предстояли сборы и дальняя дорога.